

КАК ЭТО БЫЛО

Альберт Лиханов: Я был единственным писателем, выступившим на Политбюро не о литературе, а на важную социальную тему.

13 сентября 2020 года — 85 лет писателю, основателю и бессменному председателю Российского детского фонда Альберту Лиханову. Лиханов впервые столкнулся с проблемами детей-сирот в 1960-х годах. О том, как появилось постановление партии и правительства о социальной защите детей без родителей в СССР, как создавался Детский фонд и шла непростая работа с Раисой Горбачёвой, о “высоких” фальсификациях, а также о внезапной поддержке Людмилы Путиной он рассказал в интервью автору портала по советской истории Kremlinhill.com Дмитрию Волину.

Письмо доброй женщины

Д. ВОЛИН: Альберт Анатольевич, расскажите об истории постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о детях-сиротах.

А. ЛИХАНОВ: В 1960 году по окончании университета я работал в газете “Кировская правда”. Однажды к нам пришла воспитательница из школы-интерната. Она рассказала, что в этом учреждении около тысячи учеников, из которых 50 первоклашек привезли из дошкольного детского дома. Каждые выходные 950 воспитанников забирают домой, а эти 50 остаются в интернате. Стоят на лестнице, тоскуют и не понимают, почему они никому не нужны.

Напомню, что у Хрущёва, — а в ту пору правил он, — было много завиральных идей. Одна из них — массовое создание школ-интернатов. Идея такая: родители пусть достойно трудятся, ходят в кино, театры, читают книги. А дети им не должны мешать. Для этого строились школы-интернаты на тысячу человек, как большие животноводческие фермы, которые в то время создавались по тому же принципу: тоже на тысячу-полторы голов. Но с коровами хотя бы всё было понятно. А отсекал детей от семьи на пять дней в неделю, обучать отрядами, отделять от родных — полная абракадабра для классической русской педагогики.

И воспитательница пришла к нам в редакцию с разумным, как казалось, предложением и письмом, чтобы добрые люди брали на выходные сирот в свои семьи. Мы его опубликовали, и тут же за детьми выстроилась очередь. Разобрали всех.

Я напечатал первый репортаж на эту тему... Прошло месяца три. У нас в газете бывали разные люди, в том числе и те, кто брал на воспитание этих ребятишек. И некоторые рассказывали, что решили усыновить детей и перевести в другую школу, чтобы у них не было никаких воспоминаний об одиноком прошлом.

Д. В.: *Инициатива прижилась?*

А. Л.: Спустя три месяца я узнал, что сирот перестали брать вообще. Причины всякий раз приводились разные, но эти дети снова вернулись в интернат. За исключением двоих: их взяли, усыновили, и у них началась другая жизнь.

Я пытался поговорить с людьми, которые отказались брать детей, но никто не вдавался в обсуждения, отговаривались: кто-то говорил про отпуск, болезнь, кто-то – про зарубежную командировку и тому подобное. Я не мог понять, почему так произошло. Речь же шла не об усыновлении, а о своеобразном социальном сопровождении ребенка, если у него никого нет, – это же достойно!

Путь сироты

Д. В.: *А как вообще складывались судьбы детей-сирот в Советском Союзе?*

А. Л.: После истории с интернатом я стал бывать в разных заведениях, где живут дети-сироты. Начинал с домов ребёнка, где находились младенцы. Обычно ребятишки туда попадали прямо из роддома. Так называемые “отказники” – от них отказывались родившие их биологические матери.

До трёх лет дети находились в Доме ребёнка. В три года их переводили в дошкольные детские дома. Дальше сирот передавали в обычные детские дома, где они проходили семилетку или все десять классов. После этого ребёнок мог поступить в техникум или вуз. Туда его брали при условии, что он сдавал экзамены хотя бы на тройки.

Допустим, ребёнок оканчивал техникум и направлялся на завод. Там он ставился в первую очередь на получение жилья. Место в общежитии ему давали сразу. Правда, однажды ко мне пришёл шестидесятилетний мужчина из Челябинской области. Он плакал: “Вот мне уже на пенсию, а я всю жизнь прожил в общежитии, семьи у меня не было. Что делать?” Я позвонил тогда в обком партии, оттуда ответили: пусть подъезжает, и дело решилось, но это, конечно, не был единичный случай.

Д. В.: *А какое решение Вы видели?*

А. Л.: В своё время я ходил на приём к министру просвещения СССР Михаилу Алексеевичу Прокофьеву. Человек он был умный, академик. Смотрю: у него абсолютно чистый стол – ни одной бумажки, ни одного листочка.

Я хотел поговорить с ним о сиротах. А он меня опередил и стал рассказывать об их положении в стране. Я сказал: “А по моим данным ситуация иная”. И стал излагать увиденное мною. Он меня слушал, потом открыл ящик стола, достал лист бумаги и стал за мной записывать. Но после этого визита ничего не произошло.

И вдруг я узнал, что мой старый товарищ по комсомолу Виктор Прибытков работает у Константина Устиновича Черненко первым помощником. Это была очень серьёзная позиция.

Д. В.: *Значит, вы были знакомы?*

А. Л.: Да, ещё со времён комсомола. Пришёл к нему, рассказал о ситуации с сиротами, попросил помощи. На это он мне сказал так: “Понимаешь, у нас здесь существуют незримые линии, которые не принято переходить. Ты говоришь о школе, воспитании, идеологии. Черненко занимается другим. Он отвечает за аппарат и партию, кадры и документы”.

Но после Брежнева и Андропова к власти ненадолго пришёл молодой Черненко. И Виктор мне сам позвонил и сказал: “Куда ты пропал? Беги скорее, неси свою сиротскую записку”. За ночь я подготовил эту бумагу, утром передал ему.

Прибытков пришёл к Черненко и сказал: “Вот, письмо по детским домам от писателя”. А Черненко ему ответил: “Давай прочитаем вслух”. И Витя стал неторопливо читать моё письмо. Дело было вечером, они не торопились, Черненко очень внимательно слушал, пригорюнясь, – знал по себе, что такое бедность и раннее одиночество, – что-то помечал, а потом сказал: “Даём поручение Алиеву. Нужно готовить постановление ЦК и Совмина”.

Бои за решение

Д. В.: Как проходила работа под руководством Гейдара Алиевича Алиева?

А. Л.: Спустя некоторое время после поручения Черненко мне позвонили из Кремля, пригласили на совещание. Гейдар Алиевич Алиев, — а он, напомним, был членом Политбюро и первым заместителем председателя Совета министров СССР, — собрал синклит, имеющий отношение не только к детям, но и к финансам, здравоохранению, социальным проблемам. Пришли министры, их замы, совминовские сотрудники. В общей сложности было не меньше двадцати человек. Меня подвели к Алиеву. Он, обращаясь ко всем, поблагодарил меня за письмо, а я чувствовал себя не на своём месте.

Одним словом, он дал поручение, моё письмо размножили, разослали. Вообще-то о начале работы я узнал от Любови Кузьминичны Баясной. Прежде она была секретарём ЦК комсомола по школам, а к тому времени стала замминистра просвещения РСФСР. Она позвонила мне в редакцию “Смены”, где я был главным редактором:

— Альберт Анатольевич, я вас благодарю от всех нас за то, что вы написали такое письмо. Оно разослано Советом министров СССР всем нам, и нам всем предложено включиться в подготовку постановления.

— Любовь Кузьминична, я очень тронут. Значит, оно всё-таки до вас дошло?

— Не только дошло — нам разослали с такими командами, что вовсю работаем, все на ногах.

— Любовь Кузьминична, — спрашиваю ласково, — а вот вы, Министерство просвещения, не могли бы продвинуть это сами?

Она совершенно не обиделась:

— Нет. Если бы мы запустили такую бумагу, наверху к ней бы отнеслись просто как к очередному министерскому заскоку, спустили бы его на тормозах и ещё бы уши нам надрали. А вы — это человек со стороны, писатель.

Д. В.: Работа закипела?

А. Л.: Месяца через три меня опять позвали на совещание у Алиева. Секретарь передал мне проект постановления — полторы странички текста. Я был в ужасе! Попросил срочно пустить меня к Алиеву, и меня пустили. Я обратился к нему: “Гейдар Алиевич, ну, это же полное издевательство!” Он ответил: “Альберт Анатольевич, как вы скажете, так и будет. Мы сейчас пройдем по всем пунктам вашего письма, и вы всё скажете этим людям”. На совещании собралось человек пять. Я смотрел на них, как на каких-то злодеев. Но я пришёл не просто так, я был вооружён документами.

Например, специалисты в экономике предлагали повысить расходы на еду детям в домах ребёнка на 20 копеек в сутки. На это я им показал заключение Института питания Академии медицинских наук СССР, в котором было сказано, что в заведениях для младенцев отсутствуют живые витамины. Вместо двадцати копеек я вышел оттуда с прибавкой в 1,2 рубля на каждого ребёнка в сутки по всей стране.

В графе “производственная одежда” для практических занятий было заложено по 10 рублей. Это цена ситцевого халатика. Я спросил собравшихся, сколько стоят галоши, валенки, телогрейка, шапка. Что делать, если детям придется проходить практику на улице — например, в селах, где их учили ремонтировать трактора? В общем, добился по 200 рублей на каждого ребёнка. И так по каждой позиции.

После этого разбора Алиев вернул документ на доработку. Подготовили объёмное постановление, успевшее проскочить за 11 месяцев, которые Черненко был у власти.

По стране несётся птица-тройка...

Д. В.: Как сирот защищали при перестройке?

А. Л.: В апреле 1987 года меня пригласил Николай Иванович Рыжков. Дело в том, что после своего назначения на пост Председателя Совета министров СССР он с супругой поехал в Свердловск, где когда-то был директором Уралмаша.

Его жену Людмилу Сергеевну повезли с экскурсией в детский дом, откуда она вернулась в ужасе. Рыжков решил разобраться, обратился к своему

помощнику Владимиру Савакову. В своё время он был заведомо спортивно-массовой работы Новосибирского обкома комсомола, когда я работал там собкором “Комсомольской правды”. Саваков назвал меня в качестве неофициального эксперта, а я в то время печатал большие материалы на тему сиротства, у меня были опубликованы целые страницы в “Литературке”, в “Правде”.

Меня никак не готовили к встрече с Рыжковым, просто неожиданно позвонили из секретариата Совета министров (я даже не знал, что Саваков там работает) и сказали, что со мной хочет встретиться “высокий руководитель”. Только постепенно я догадался, о каком уровне встречи идёт речь.

Николай Иванович встретил меня на пороге своего кабинета вместе с женой Людмилой Сергеевной, разговор шёл три часа сорок минут. Я им рассказывал, что вообще происходит с детством. Тогда в нашей большой стране насчитывалось 1, 2 млн детей-сирот и детей, лишённых родительского попечения. По младенческой смертности мы соседствовали (речь о коэффициенте, а не об абсолютных цифрах) с Мадагаскаром. Я рассказывал, какова картина с глухими, слепыми от рождения детьми, про детскую онкологию и про иные виды инвалидности. В стране было, — да и сейчас есть! — много взрослых патриотов, граждан, самоотверженно служивших детству. Их добросердечию требовался позитивный выход. И опыт у страны был: еще в 1924 году, в дни прощания с Лениным, создавался общественно-государственный фонд его имени для борьбы с беспризорничеством. Такой фонд, убеждал их я, нужен и сегодня.

На следующий день Рыжков сам мне позвонил. Сказал, что вечером после нашей встречи обсуждал этот вопрос с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым, после чего возникла идея подготовить новое постановление ЦК и Совета министров. Он попросил меня возглавить эту работу. Трудились весь май, июнь и половину июля 1987 года в здании Совмина на Ильинке.

25 июля Рыжков позвал меня на Президиум Совета министров СССР, чтобы доложить о проекте постановления, и 31 июля меня пригласили на Политбюро. Впервые писатель говорил на Политбюро не о литературе, а о серьёзной социальной проблеме. Первый и последний раз за всю историю партии.

К слову, безопасность на заседании была совершенно смешная — попросили паспорт и пропуск. Никто никого не ощупывал, не просвечивал.

Первым выступал заместитель Рыжкова по экономике академик Степан Ситарян. Он зачитал трёхминутный доклад о дополнительных расходах. Понятно было только продвинутым специалистам...

Потом Горбачёв сказал, обращаясь ко мне:

— Альберт Анатольевич! — и я, разумеется, стал делать первые шаги к пюпитру. Но он продолжил свою формулировку. Я притормозил.

— Вы столько лет и с таким упорством тормозили нас и страну по большим проблемам сиротства, что с нашей стороны было бы опрометчиво не выслушать вас на заседании Политбюро, посвящённом этому вопросу.

Я ринулся к трибуне, как говорится, “прижал уши” и выдохнул всё, что хотел озвучить этой высочайшей в державе аудитории. За двадцать минут вместо положенных пяти.

Потом выступили Рыжков и Громыко, Политбюро подписало проект Постановления ЦК и Совета министров СССР. Даже несмотря на то, что Михаилу Горбачёву с Александром Яковлевым не удалось договориться — только по одной, не самой принципиальной, позиции. Однако его “наклонило” большинство.

Д. В.: *Что вызывало разногласия?*

А. Л.: Газета. За несколько дней до памятного Политбюро я пришёл к выводу, что у новой всесоюзной общественной организации — Советского детского фонда имени В. И. Ленина — должна появиться своя газета. Даже название придумал — “Родительская газета” (по аналогии с “Учительской газетой”). Обратился к Савакову, а он сказал, что не советует даже поднимать этот вопрос, потому что это относится к полномочиям Политбюро.

И здесь самое время рассказать ещё об одном сверхважном контакте, случившемся после моей встречи с Рыжковым и его вечернего разговора с Горбачёвым. Мне позвонил начальник охраны Раисы Максимова Горбачёвой, чтобы передать её приглашение выступить на её “семинаре”, куда входят все жёны членов Политбюро, кандидатов в члены и секретарей ЦК КПСС. Встреча предполагала моё выступление о положении детей-сирот в стране.

Планировалось, что семинар пройдёт в Доме приёмов на Ленинских горах.

Накануне этого моего выступления на семинаре я отправил фотографа в 12-й московский Дом ребёнка. Он снял всех детей, около 200 человек. Я пришёл на встречу с женщинами пачку этих фотографий и разложил их на столе.

Д. В.: А Раиса Максимовна?

А. Л.: Раиса Максимовна перед встречей сказала, что знает о моей работе, горячо её поддерживает, и попросила на выступлении не стесняться. Меня завели в чайную комнату, там был стол, вокруг которого сидели женщины. Когда мы вошли, они встали.

Там была очень разговорчивая жена Эдуарда Шеварднадзе, она, пожалуй, единственная вела себя раскованно, что-то комментировала и смеялась, остальные, даже жена Рыжкова, Людмила Сергеевна, вели себя сдержанно, очень корректно. Ну, а как себя вести на семинаре жены генсека?

Мы перешли в большой холл, где кресла для дам стояли полукругом. В центре – Раиса Максимовна и Людмила Сергеевна. Я – за столиком в центре полукруга. Фотографии из дома ребёнка, пущенные по рукам, никого не могли оставить равнодушным. Когда их посмотрели, я сказал: “Таких детей в нашей стране один миллион двести тысяч”.

Встреча продолжалась около двух часов. В конце Раиса Максимовна предложила мне подготовить записку Горбачёву. Я, наивный, ответил, что уже отправил записку Рыжкову. Несколькими минутами спустя она снова повторила своё предложение. Я понял свою первичную оплошность, поблагодарил и написал записку на следующий же день.

Прощаясь, Раиса Максимовна протянула мне руку помощи, сказав: “У Михаила Сергеевича есть такой помощник – Гусенков. Вы можете от него позвонить мне, когда захотите, по любому поводу”.

Так вот, в канун памятного Политбюро 31 июля 1987 года, когда в Совете министров СССР мне сказали, что вопросы о создании всесоюзных газет решает только Политбюро, я и решился на дерзкий поступок. Я пришёл к помощнику Горбачёва, названному Раисой Максимовной, и он соединил меня с ней. Я сказал примерно так: “Знаете, много нужно денег вкладывать в поддержку сирот. Но ведь нам нужно повернуть ещё и сознание родителей, которые бросают этих детей. Нам нужно создать свою идеологию милости к детству как к важнейшей части социума”. Заливался соловьём, наверно, минут пять. Ни одного звука с той стороны. Наконец, она сказала:

– Альберт Анатольевич, я согласна с вами. Что вы предлагаете?

– Я предлагаю внести в Постановление Политбюро, которое готовится, решение о предоставлении Советскому детскому фонду имени В. И. Ленина своей газеты для семьи, для семейного воспитания. Лучше – еженедельной.

– Я вас поддерживаю. Дайте трубку помощнику.

Я передал трубку. Он послушал Раису Максимовну, закончил разговор и сказал мне: “Давайте прямо сейчас составим пункт о создании газеты, буквально на один абзац”. Естественно, Раиса Максимовна сформулировала предложение об этом Михаилу Сергеевичу. Но разве я мог знать, что в это самое время идеологический руководитель партии Яковлев затеял издавать в “Правде” цветной журнал под названием “Семья”?

Д. В.: То есть интересы совпали?

А. Л.: Конечно, где-то, незримо для меня, началась аппаратная борьба. А Горбачёв, конечно, под влиянием жены махнул на эту борьбу рукой и довёл вопрос до Политбюро и в пользу Детского фонда. Так что и сейчас я глубоко признателен Раисе Максимовне за такую благую и, конечно, уникальную помощь. А на заседании Политбюро случился такой разговор:

– Вот у нас с Александром Николаевичем (Яковлевым) никак не получается договориться. Фонд предлагает, чтобы была газета. Я это поддерживаю, это правильно. Надо, чтобы была хорошая такая газета. А он предлагает журнал, – сказал Горбачёв.

– Михаил Сергеевич, мы уже договорились с издательством “Правда”, там уже все фонды найдены, все лимиты. Тут ещё надо будет искать, а у нас уже всё решено, – ответил Яковлев.

– Да опять твои академики там будут печататься, и никому это не интересно, – продолжил Горбачёв.

И они начали пререкаться. А Политбюро молчало.

— Как же так? Мы уже обо всем договорились, неудобно, уже люди чуть ли не предупреждены, — спорил Яковлев.

— Ну, люди эти, как говорится, опытные, они потерпят, ведь надо, чтоб это было и для детей, и для родителей, — подчеркнул генсек.

В этот момент меня осенила гениальная, извините за нескромность, идея — идея простого неопита, и после очередной фразы Яковлева я, стоя на трибуне, брякнул:

— Александр Николаевич, а давайте сделаем и газету, и журнал!

В зале — хохот, разрядка. Горбачёв сказал: “Ну всё, подписываю”.

Такие подарки судьбы не проходят бесследно.

Атака на фонд

Д. В.: *А Раиса Максимовна так и помогала вам все эти годы?*

А. Л.: Она долгое время звонила мне по “вертушке”, узнавала, как дела, я просил совета по разным вопросам. Однажды даже обсудили семью Рейганов, искренность их отношения к СССР, и моя собеседница приятно удивила меня своей глубокой зрелостью, без восторга отозвавшись о наших заокеанских “партнёрах”. В другой раз я как-то наивно предложил, чтобы жены первых секретарей ЦК и обкомов партии по всей стране вошли в состав руководства наших территориальных объединений. Она трезво и деликатно осадила меня и оказалась более чем права: все такого рода начинания рано или поздно заканчивались с уходом главы такой семьи со своего руководящего поста. Она следила и за нашей газетой “Семья”, которая добралась до тиража в 4 млн экземпляров, радовалась собственному участию в этом, как нынче говорят, проекте. Однако напрямую она не могла помогать: ресурсами располагали правительство, Совет министров, министерства. И тут нас опекал Николай Иванович Рыжков. Да и мы были более чем инициативны, ведь детские беды, о которых я говорил ему, требовалось разрешать реальными делами. Вплотную работая с правительственными службами, мы готовили одно постановление за другим.

Например, создали систему семейных детских домов, когда семья, воспитывавшая своих детей, брала не меньше пятерых ребят. С министром здравоохранения СССР Е. И. Чазовым мы создали временную, но чёткую систему борьбы с младенческой смертностью — так называемые медицинские десанты. В течение трёх лет мы посылали за счёт фонда на 90 самых жарких летних дней по 3 тысячи медиков, чтобы спасти детей от смерти, — они умирали от простейшей диареи в силу нижайшего санитарного уровня жизни. Создали институт специальных доверенных врачей Советского детского фонда — главных специалистов Минздрава СССР, — которые по три года работали во всех областях Средней Азии и Казахстана. Результат — снижение младенческой смертности в целом по СССР на 16%, а детей второго года жизни — на 55%, общее количество спасённых детей — 45 тысяч.

На годы нашего становления пришлось начало межнациональных конфликтов. Тут же грохнуло Спитакское землетрясение, и мы буквально вытаскивали ребятшек из-под руин, возвращали их родне: МЧС тогда не существовало.

Таких мощных, тяжёлых проектов было множество. Но нас поддерживало правительство — по самым разным поводам. Пока Рыжков его возглавлял, было принято не менее 20 решений с советским гербом над головком, которые всегда начинались трепетными для меня словами: “Принять предложение Советского детского фонда”. Здесь и два решения по бывшим малолетним узникам фашистских концлагерей. И создание двух новых журналов для детей и подростков и издательства “Дом”. И учреждение Международного круга помощи жертвам армянского землетрясения. И отправка почти тысячи детей на операции на открытом сердце в США вместе с Лео Бокерией. И “дети Чернобыля”, отправляемые нами в скаутские лагеря 27 стран мира (10 тысяч ребят), и тысяча таких детишек, посланных нами на Кубу по приглашению Фиделя Кастро. Вспоминаю то время как трудное, но радостное для фонда и для меня. Мы были востребованы, были нужны.

С Раисой Максимовной какое-то время сохранялись добрые отношения.

Потом где-то за кулисами что-то стало меняться. Я начал кожей ощущать, что благие дела не у всех встречают поддержку, что нас окружают подозрительностью, сомнением. И кто?

Контрольно-ревизионное управление Минфина (министерство возглавлял Валентин Павлов) безо всяких поводов и видимых распоряжений заслало к нам бригаду с проверкой. Не представившись мне, они шарили в бумагах, проверяли склад — прямо-таки полицейские бульдоги из “Золотого ключика”. Искали злоупотребления, воровство, но найти не могли. А тогда почти беспрерывно шли заседания съезда народных депутатов СССР, я каждый день видел Рыжкова и однажды спросил его: “А вы знаете про проверку КРУ?” Он был поражён: ведь Минфин — его хозяйство, и министр обязан был поставить председателя Совета министров в известность.

Мы как-то шли с ним по стеклянному переходу из КДС в Кремль. И нам навстречу — Павлов. Рыжков остановил его и при мне спросил:

— А что это за проверка Детского фонда? Почему я не знаю?

Тот мялся, как нашкодивший подросток.

— Мне дали команду.

— Кто? — изумился Рыжков.

Павлова угнетало моё присутствие, но я понимал, что моё место здесь.

А Рыжков стоял на своём:

— Кто?

— Ну, Николай Иванович! Вы не понимаете?

— Не понимаю!

— Прямое указание!

— Чьё?

И он, наконец, выдохнул:

— Михаила Сергеевича.

Д. В.: *То есть Раиса Максимовна захотела?*

А. Л.: Я и тогда был уверен, что острее атаки, внешне направленное против меня, было адресовано покровителю фонда Рыжкову, второму человеку в стране, председателю Совета министров СССР. И это требовалось кому-то третьему. Но это была зримая арифметика, до алгебры мы даже не поднялись. Кашу заваривал Яковлев, пытаюсь рассорить меж собой двух первых лиц великой страны.

А в нашем фонде состоялся очень жёсткий разговор. Я лично пригласил Павлова по “вертушке”, чтобы он послушал, что говорится в ответ на заключение этой комиссии. Он прислал своего зама, совершенно не подготовленного к разговору. А документ был напичкан глупостями. Например, нам один стеклодув подарил кораблик. Он выглядел как хрустальный, но был сделан из стекла. Раз хрустальный, то, по правилам Минфина, должен быть оприходован, поставлен на учёт и записан в книгу. Смешно даже пересказывать низжайший уровень претензий, предъявленных нам. Тем не менее, записку КРУ рассмотрел расширенный Президиум Правления фонда. Туда входили пять народных депутатов СССР от Детского фонда, включая меня, митрополит, академики и педагоги — и все отнюдь не свадебные генералы. Один за другим мы опровергли все пункты и подписали протестное письмо Генеральному секретарю (заказчику) и председателю Совета министров СССР.

Однако, несмотря на все наши возражения, этот лживый отчёт был напечатан в многотиражке московских строителей, и дальше его стали раскручивать СМИ, подчинённые разным уровням власти. То есть по команде.

Д. В.: *Это 1990–1991 годы?*

А. Л.: Нет, это, пожалуй, 1989–1990-й.

Считал и считаю, что это мог позволить себе только Яковлев. Дело в том, что нас очень хорошо принял народ. Мы в первые годы нашего существования — в 1987–1990-м — получали огромные деньги от народа. Был, например, памятный перевод от школьника с письмецом: “Купите мороженое мальчику, у которого нет родителей”. А взрослые посылали десятки тысяч рублей. Андрей Андреевич Громыко позвонил мне и переслал гонорар за двухтомное издание его мемуаров в Англии. Тогдашний генеральный директор ТАСС Виталий Игнатенко переслал нам Ленинскую премию, которую он получил. Среди доноров были нефтяники, газовики, БАМ, завод “Уралмаш”, оборонные предприятия, министерства. Во время первого и последнего Всесоюзного телемарафона в 1989 году, к которому сразу подключились несколько центральных каналов, мы собрали за одни сутки 102 млн рублей. Мы первыми привели в страну мгновенную лотерею, первыми выпустили “Благотворительные билеты”. Да и отделения Советского детского фонда работали в каждой области

большой тогда страны. Мы строили школы в Туркмении, семейные детские дома, купили для всех детских домов Советского Союза 1,5 тыс. автобусов и грузовиков, и транспортники разного рода доставили их бесплатно, даже пароходами на Камчатку.

В 1988 году случилось Спитакское землетрясение, и в 1989-м 400 армянских детей прилетели во Внуково. Мы привезли их в Кремль на ёлку. Там перед ними выступил генсек Горбачёв.

Д. В.: *Нападки на фонд прекратились?*

А. Л.: Нет. После КРУ меня вызвали в Комитет партийного контроля. А мы с его главой Борисом Пуго были в дружеских отношениях, когда он ещё работал секретарём ЦК комсомола КП Латвии.

Меня вызвал в Комитет народного контроля бывший секретарь Томского обкома партии, правая рука Лигачёва. И начал меня в хамском тоне “драть”. Я депутат, а он – партийный исполнитель, можно сказать – палач. Что ж мне, перед палачом молчать, склонив шею? Впервые и единственный раз в жизни со мной разговаривали так: “Вы там воруете!” Причём абсолютно никаких оснований, ни малейших. “Брали на понт”.

Я послушал и “поехал” на него: “А вы почему со мной так разговариваете? У вас какое право так разговаривать с членом Верховного Совета СССР? Кто вас уполномочил? Вообще, кто вы такой?” И погнал этого мужика по кочкам в его же стиле. Он глаза вытарашил. И хотя Пуго со мной говорить не захотел, эта каторга отстала. Особенно их зацепило, что я сформулировал свою цель: “Похоже, вы забываете, что я журналист по образованию, многолетний редактор всесоюзного журнала, да и писатель, пёрышком владею. Хотите, чтобы я рассказал не стране – миру, – ху из ху? Думаете, ваша цель не пресчитывается?”

Д. В.: *Продолжение последовало?*

А. Л.: Прислали Комитет народного контроля. Бригадиром был неведомый паренёк Игорь Московский. Я спросил:

– Ну что, теперь нас погубит народный контроль, ведь фонд-то и создан для детей этого народа?

– Да нет, что вы, клянусь, что я иду с чистым сердцем!

И действительно, месяц рыла целая бригада, принесла заключение с двумя-тремя мелкими замечаниями. Я прочитал, подписал и сказал, попав в “десятку”: “Вам заказали не это”. Прошла неделя, другая, прибежал Игорь Московский, бухнулся в кресло и сказал:

– Вчера вечером, не читая наш отчёт, Колбин вызвал к себе помощника и надиктовал про вас страницу доноса на имя Горбачёва.

Хочу пояснить: Колбин был хорошим и порядочным человеком. Он работал первым секретарём Ульяновского обкома, и вдруг его избрали первым секретарём ЦК Компартии Казахстана. Явно что-то пошло не так: на этом месте должен был оказаться казах, – и в республике началось брожение. Его перевели в Комитет народного контроля, и здесь надо было служить по здешним правилам. Вот он и исполнил желание хозяина, которого я тоже теперь не осуждаю. Просто у него, этого хозяина Колбина, был недобросовестный наводчик, который убедил его в том, в чём убеждать не следовало. Не потому, что я этого не желал, а потому, что это было вредно тем, в чью пользу эти хлопоты организовывались.

Словом, в те же дни съездов народных депутатов Колбина освободили от работы. И я увидел его в Кремлёвском дворце съездов. Подошёл и ласково спросил:

– Ну что, Геннадий Васильевич, теперь-то вы можете сказать, в чём было дело?

Он спокойно ответил:

– Могу. По приказу первого лица.

– А в чём дело?

– Не знаю, но предполагаю.

– Так что же?

– Раиса Максимовна.

Это третья часть печальной трилогии.

Д. В.: *Говорят, что Раису Максимовну хотели сделать председателем фонда.*

А. Л.: Похоже, такие намерения в ней сформировали “внешние силы”. До меня доходили самые невероятные слухи и сплетни. Но я старался держаться изо всех сил, работать, ни на что не обращая внимания. Но это было нелегко.

В состав нашего президиума входила председатель Комитета советских женщин Зоя Пухова, Герой Социалистического Труда, бывшая ткачиха из Иваново. Во время перерыва одного из заседаний съезда она мне сказала:

— Тебя и меня решено убрать. Что касается меня, я это понимаю — достойных женщин целая очередь. Но в отношении тебя это несправедливо! А знаешь, на кого хотят заменить?

— Откуда мне знать?

— Стой крепче! На Раису Максимовну!

А Горбачёва во время съездов сидела в ложе. Туда к ней постоянно бежали приближённые дамы — партийные и советские активистки высокого уровня. Этих женщин было немного, человек семь, максимум десять. Я, когда проходил мимо этой группки, всегда раскланивался, знал, кто это такие, и они все меня знали.

И снова я подумал про Яковлева. Про внушаемость, которой подвержены персоны, добравшиеся до высших этажей государственности, про неумение самокритично анализировать существо дела всесторонне, вглубь и вширь. Я и тогда полагал, что Раиса Максимовна, дававшая — и справедливо — по вечерам советы своему мужу, сама нуждается в простом консультанте, лучше бы логике по образованию, который бы выводил один посыл из другого и создавал реалистический прогноз последствий.

К примеру, простенький вопрос: а что, если все родители всех детей-инвалидов бросятся за помощью к жене президента — председателю Детского фонда? Где окажутся и президент, и его жена? К какой потере их авторитета это приведёт без всяких лозунгов? Ведь сразу сделать счастливыми всех обездоленных детей — невысказано!

Но в той ситуации приходилось действовать. И меня осенило. Знаете, иногда вдруг в тебе происходит какая-то вспышка, некое просветление. Мне пришла в голову мысль: если всё это замышляется втайне от меня, да с участием высокой персоны, мне ничего не остаётся, кроме как дать ей понять публично, что замысел не самого высокого полёта, а её главный, как нынче говорят, бенефициар мне известен.

Короче говоря, я осознал: надо дать Горбачёвой понять, что я знаю о её личной роли в этом мелкотравчатом заговоре. И предложил Зое Пуховой такой план: когда высокие леди соберутся вместе, я буду проходить мимо, а она в этот момент им про меня всё проговорит. Она согласилась, ей терять было нечего. Я шёл мимо них, поздоровался, остановился. А она сказала: “Ой, девочки, а вы знаете, что Альберта-то решено снять?” “Девочки” сочувственно охнули, стали громко задавать вопросы — за что и почему? Героиня Соцтруда, человек из народа, не успокаивалась: “А вы знаете, на кого его решили заменить-то? — На кого? — На Раису Максимовну!” И вот это уже была бомба. А я кивнул и сказал: “Ну, если партия прикажет, комсомол ответит: “Есть!””

Мы попали в червонец. Прекрасные леди одна за другой побежали в известную им ложу и доложили, какие вульгарные слухи ходят о помыслах Раисы Максимовны, которые, я по-прежнему уверен, были внушены ей со стороны.

И чем можно ответить на такого рода молву? Только опровергнуть.

Дворцовая тайна скончалась, не разродившись. И нас оставили в покое — до конца правления Горбачёва. Но к Раисе Максимовне я испытываю некое сострадание, хотя всякие связи с ней оборвались. Однако когда стало известно о её тяжёлом положении, и я узнал, что она находится в университетской клинике в немецком Мюнстере, то послал ей срочное письмо, о котором, разумеется, забыл. А обнаружил его недавно, в её интернет-архиве. Вот что я тогда написал:

“Дорогая Раиса Максимовна! Примите самые сердечные пожелания скорейшего выздоровления от Российского детского фонда, его сотрудников и добровольцев. Мы всегда помним Вашу добрую поддержку наших инициатив в первые годы существования фонда, Ваш неподдельный интерес к детским бедам. Добро всегда воздаётся. Мы верим, что Вы одолеете Ваш недуг”.

Депеша получена 5 августа 1999 года, а Раиса Максимовна скончалась 13-го, так что я точно и не знаю, прочитала ли она эти строки...

Д. В.: А как вы вообще оцениваете политику Горбачёва?

А. Л.: У меня с Горбачёвым получилась вот такая, похоже, финальная история. На первой инаугурации Владимира Путина, когда меня ещё звали на такие торжества, я пришёл в Кремлёвский дворец съездов, подошёл к нему, представился. И почти сразу увидел, что за соседним столом сиротливо стоит Горбачёв. Я, естественно, подошёл к нему и сказал: “Ну что, Михаил Сергеевич...” Он ответил: “Значит, мы с тобой, Альберт, неправильно поступали”. Тут подбежал народ фотографироваться, а я отошёл.

Д. В.: Он сейчас ищет как бы оправдания краха советской системы и распада Союза.

А. Л.: Какие могут быть оправдания, если он публично объявил, что всю жизнь мечтал разрушить социализм? Правда, несмотря на факт публикации этого убеждения, думаю, что он оговаривает себя. Сын комбайнера, школьником получивший орден Трудового Красного Знамени за уборку урожая, — и такое самоуничужение? Одно другому не соответствует. И даже если это правда, я как писатель и читатель не верю такой неестественной “кройке” души.

Что же касается меня и моей семьи, то мы из тех, кто верил и верит в советскую власть. Моя жена — круглая сирота, отец погиб на границе в июле 1941-го, мать — в 1945-м. Её и двух её сестер подняли бабушка с дедушкой и Кировский городской военкомат, потом она стала первым телевизионным диктором на родине, а после работала в Новосибирске. Отца моего Господь спас, а вот его брат Борис пропал в первые месяцы Великой Отечественной без единой весточки с фронта. Мой кровный дед по материнской линии безмолвно канул в гражданской войне. Если копнуть ещё дальше, а для меня это важно, то мой прадед по отцовской линии был крещён в храме Михаила Архангела Михайловского замка в Петербурге на 100 лет ранее меня, в 1835-м. Потом, когда ему ещё не было 18 лет, по-нынешнему — ребёнок, командовал артиллерийским капониром на морском побережье Петербурга при подходе к нему англо-французской эскадры в 1853 году, награждён медалью в память “Крымской кампании” 1853–1856 годов, ещё двумя орденами, вышел в отставку полковником, осел в Вятке. А его отец, мой прапрадед Иван Иванович, получил дворянство за военную службу. И вся эта моя родовая предыстория бесконечно дорога мне.

Что же касается моей судьбы, то я помню своё тыловое военное детство так, как будто это было вчера. Многие мои книги вышли из той поры. 150 книг переведены на другие языки — в США, Франции, Италии, Испании, Германии, Нидерландах, Японии, Китае, Гонконге... Мне нечего искать на стороне. Я родился и состоялся в своей стране, с верой в своих предтеч, которые мысленно окрыляют меня, и переделываться не собираюсь. Я всё получил от своей Родины. Я шёл по жизни и ничего не боялся. Я журналист, а не карьерист, стал главным редактором всесоюзного многомиллионного журнала “Смена”. Вошёл в литературу, получил Государственную премию РСФСР и премию Ленинского комсомола. Ещё тогда изданы мои первые собрания сочинений громадными тиражами. При этом я не был конформистом в литературе, наоборот. Я вместе со всей редакцией построил молодёжную и детскую библиотеки в Новом Уренгое. Потом, уже в одиночку, задумал и пробил Детский фонд, проведя при этом два громадных постановления по спасению сиротства. Мне нечего менять в себе.

Я был обучен труду той властью и теми мерами измерения успеха. Жить нас учили не для себя, а для Родины. Мне кажется, таков же и Горбачёв. Зря он наговорил на себя.

Однако я задавался и задаюсь безответным вопросом: почему доброта — личностная и общественная, превращённая в милосердную системную силу, — обязательно должна испытывать наветы, клевету, оговоры, подозрительность? И почему достигнутое, совершённое, исполненное воспринимается как должное? Утешаю себя только одним, священным — участью Христа. Ведь он был предан, в том числе учениками, хотя уж они-то ведали спасительность самой сути Христовой добра и его милосердия ко всем и всякому.

Всякий ли способен и может, заранее зная о грядущем навете, служить людям, не озираясь по сторонам? Повторю слова Виктора Астафьева: “Нет мне ответа!”

Визит Путиной

Д. В.: Раиса Максимовна была первой леди Советского Союза. А с кем из жён российских президентов Вам приходилось работать?

А. Л.: Однажды на торжественный праздник по случаю Международного дня защиты детей я позвал в Большой театр Валентину Матвиенко, которая на тот момент была заместителем Председателя Правительства РФ по социальным вопросам. И вдруг мы получили информацию, что приедет Людмила Путина. А до этого мы с Матвиенко договорились съездить вместе в женскую колонию в Можайске, там был Дом ребёнка для детей женщин-заклужённых.

Приехала Людмила Александровна. Мы вместе пили чай и при ней говорили с Матвиенко о планах посетить колонию. Путина захотела поехать с нами. Они обе выступили перед заклужёнными. Это первый и единственный раз, когда супруга президента выступала перед женщинами-заклужёнными.

Во время этой поездки я подробно рассказал о системе семейных детских домов, которые инициировал наш фонд ещё в 1988 году. Очень скоро Владимир Владимирович поддержал эту систему. Каждый ребёнок, который воспитывался там, получил достаточно солидную разовую поддержку президента России. Детей тогда было больше 5 тысяч.

Через некоторое время Путина пригласила меня на встречу по случаю Нового года, который она отмечала вместе с людьми, с кем встречалась в течение года уходящего. Чуть позже Людмила Александровна предложила создать фонд по защите детей. Все поддержали. Я предложил, чтобы этот фонд носил исключительно законодательные смыслы. То есть чтобы он занимался проверкой всего законодательства по вопросам детства, инициировал поправки в законы, контролировал от имени общества развитие законодательной защиты детства... В организацию должны были войти юристы, адвокаты, а также представитель правительства. Я предложил, чтобы Валентина Матвиенко как заместитель Премьера обязательно вошла в его состав.

Ещё я сказал примерно так: "Людмила Александровна, я считаю своим долгом только предупредить: мы, Детский фонд, завалены письмами с просьбами: дайте квартиру, дайте коляски, машины инвалидам, отправьте на лечение за границей и т. п. Представляете, вы будете главой нового фонда всей России для детей, а значит, что все прошения будут обращены к вам персонально. А если, уж извините меня, что-то будет не выполнено, то оно обернётся гневом, раздражением, и это совершенно не та реакция, которой мы ожидаем".

В ответ она сказала, сделав паузу: "А вы правы, Валентину Ивановну Матвиенко надо обязательно включить в состав руководства". Это был как бы ответ мне. Однако потом идея затихла. И ведь это было почти полной копией намерения Раисы Горбачёвой.

Д. В.: У Администрации президента есть отдел по рассмотрению жалоб и обращений граждан. Что они делают? Они пересылают такие обращения губернаторам регионов. Иногда Владимир Владимирович дарит детям подарки, но все же понимают, что это избирательно, всякий раз по случаю и не для всех доступно...

А. Л.: Конечно, президент вправе сделать подарок любому человеку, особенно ребёнку, но в том-то и дело, что государство устроено так, что эти дела должны решать социальные ведомства, министерства, фонды, наконец, в том числе общественные. Правящие должны править. Они могут всё – за ними радикальные конструкции. К конструктивным действиям, конечно, отношу и конституционные поправки. И первая же теза не может не радовать: наконец-то детство названо главным приоритетом власти и общества.

Теперь конституционные поправки приняты. Детский фонд, как и всё общество, прошёл устрашающую пандемию коронавируса и внёс в борьбу с ней свою скромную лепту. Продолжаем работать, памятуя: мы самый структурированный благотворительный российский общественный фонд, у которого 74 региональных отделения.

Работать непросто. Но нас взывает к этому и Детство, и Конституция. И собственный выбор.